

ЗОРОАСТРИЙСКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ КАК ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОРОКОВ.

Абдуллаев Ботир Нуриллаевич
Тургунова Нигина Абдумажидовна

Национальный педагогический университет Узбекистана
имени Низами, факультет История
E-mail: babdullaev352@gmail.ru

Аннотация: В данной статье зороастрийская демонология рассматривается не как собрание мифологических существ, а как ранняя система моральной психологии, где дэвы выступают персонификациями человеческих пороков. На примере ключевых дэвов прослеживается историческая эволюция этих представлений от Гат до сасанидской и парсийской литературы, демонстрируя их адаптацию в педагогическую и правовую практику.

Ключевые слова: Зороастризм, демонология, этические нормы, Аша, Джрудж, Ашма, Бушияста, Таромайти, Саурва, Наонхайты, Индр.

Abstract: This article examines Zoroastrian demonology not as a collection of mythological creatures, but as an early system of moral psychology, where devas act as personifications of human vices. Using key devas as examples, the historical evolution of these concepts is traced from the Gathas to Sassanid and Parsi literature, demonstrating their adaptation to pedagogical and legal practice.

Key words: Zoroastrianism, demonology, ethical norms, Asha, Jruj, Aeshma, Bushiyasta, Taromaiti, Saurva, Naonkhaityi, Indr.

Зороастрийская традиция, формировавшаяся в древнем Туране в первой половине I тыс. до н. э., представляет собой одну из наиболее ранних и систематизированных религиозных систем, в которой моральная антропология неразрывно сплетена с онтологическим дуализмом. В отличие от политеистических пантеонов, где божества часто воплощают стихийные или социальные силы, зороастрийская демонология с самого своего возникновения ориентирована на этическое измерение бытия. Злые духи, дэвы и порождения Ангхра Майнью не просто населяют мифологический космос, они функционируют как зеркало человеческой психики, материализуя внутренние склонности к разрушению, обману и духовной деградации. Именно через призму персонифицированных пороков зороастризм предлагает уникальную модель нравственного выбора, где каждый демон соответствует конкретной черте человеческого характера, требующей осознанного преодоления [1].

Теологический каркас традиции строится на противостоянии Ашы (Истины, Порядка) и Друдж, Драуга (Лжи, Хаоса), которые выступают не абстрактными категориями, а живыми силами, вовлечёнными в непрерывную борьбу за

человеческую душу. Ангр Майнью (в пехлевийской традиции Ахриман), изначально не тождественный верховному богу Ахура Мазде, но выступающий как его антитеза, порождает нечистую силу, чьи имена в Авесте несут прямую этическую маркировку. Переход от индоиранского полидеизма к зороастрийскому монотеистическому дуализму сопровождался демонологизацией прежних божеств, что отражено уже в Гатах: Ясна 32 прямо называет дэв теми, кто избирает «дурное мышление» и тем самым лишает себя возможности постичь Ахура Мазду [2]. В последующей авестийской и пехлевийской литературе этот процесс кристаллизуется в стройную систему, где каждый демон соответствует определённому пороку, а борьба с ним становится внутренним аскетическим и этическим подвигом.

В ряду первых и наиболее фундаментальных персонификаций выступает Ака Манах (Акем Манах), Дурной Умысел, антагонист Воху Манаха (Благого Помысла). Ака Манах олицетворяет не просто интеллектуальную ошибку, а сознательное искажение нравственного компаса, склонность к зависти, злорадству и духовной слепоте. В «Бундахишне» он описывается как первый, кого создаёт Ангра Майнью, что подчёркивает первичность этического выбора перед любым действием [3]. Следом за ним в иерархии пороков стоит Аэшма, Дух Ярости и Безумного Насилия. Аэшма не ограничивается физической агрессией; в пехлевийских текстах он связывается с неуправляемым гневом, мстительностью и разрушением социальных уз, превращая человеческую страсть в инструмент хаоса. Его имя буквально означает «ярость», и в Видэвдате ему противопоставляется ритуальная и внутренняя чистота, достигаемая через контроль над эмоциональными импульсами [4].

Друдж, Ложь, занимает особое положение в системе, выступая одновременно как сущность и как принцип. В зороастризме Ложь не является простым несоответствием фактам, это онтологическое искажение, отказ от Аши, который порождает все остальные пороки. Друдж персонифицируется в женских образах в поздней традиции, но её сущность остаётся универсальной. Это лицемерие, клятвопреступление, извращение слова и договора. В «Яснах» и «Яштах» последователи Друджа описываются как те, кто «скрывает истину ради выгоды», что прямо связывает метафизическую категорию с бытовой коррупцией и моральным компромиссом [5]. Ей противостоит Аша Вахишта, но именно Друдж чаще всего выступает в текстах как активная соблазнительница, шепчущая сомнения в уши праведников.

Таромайти, Дух Оскорбления и Высокомерия, воплощает социальную агрессивность и неуважение к достоинству других. В отличие от Аэшмы, который действует импульсивно, Таромайти рассчитан, он питается унижением слабых, пренебрежением к старшим и нарушением иерархической гармонии, понимаемой в зороастризме не как тирания, а как взаимное признание святости каждого творения Ахура Мазды.

Саурва, Тирания и Угнетение, развивает эту линию, персонифицируя институционализированное насилие, произвол власти и подавление свободы воли. В пехлевийской литературе Саурва часто ассоциируется с деспотами, чьи законы противоречат естественному порядку Аши [6].

Наонхайтья (Наунайтия), Дэв Неудовлетворённости и Жадности, отражает экономический и психологический аспект порока. Этот демон не просто олицетворяет скупость, но и вечное беспокойство, неспособность ценить уже имеющееся, стремление к накоплению ради накопления. В «Денкарде» Наонхайтья описывается как сила, разрушающая общинную солидарность и превращающая труд из акта созидания в инструмент порабощения [7].

Индра, заимствованный из ведийского пантеона и демонизированный в зороастризме, персонифицирует чувственную распущенность, опьянение властью и поклонение грубой силе. Его образ в авестийских текстах лишён былой героичности и сведён к воплощению низменных страстей, подменяющих духовное развитие телесными удовольствиями [8].

Бушияста, Дэв Лени и Духовного Оцепенения, занимает уникальное место в демонологии как антагонист не столько активному злу, сколько пассивному уклонению от добра. Бушияста шепчет о том, что «завтра будет время для праведности», парализуя волю и превращая жизнь в череду откладываний. В ритуальных текстах Видэвдата пробуждение до рассвета и совершение утренних молитв рассматриваются как прямое противостояние Бушиясте [9].

Яхи, Дэв Разложения и Блуда, и Pairika (Парики), Дэвы Иллюзии и Соблазна, дополняют картину, воплощая искажение естественных связей, подмену подлинной любви манипуляцией и превращение тела из храма в инструмент падения. Парики особенно часто изображаются как обольстительницы, чьи чары затмевают разум и уводят от пути Аши в мир призрачных удовольствий [10].

Ангра Майнью, как источник всех перечисленных сущностей, не мыслится в зороастризме как независимый бог зла, равный Ахура Мазде. Его природа производна: он возникает как отрицание, как тень, не способная творить, но лишь искажать. Эта онтологическая асимметрия подчёркивает главную этическую идею традиции: зло не имеет собственной сущности, оно паразитирует на свободе воли. Каждый демон, таким образом, является не внешним врагом, а проекцией внутреннего выбора человека. В «Гатах» Заратуштра неоднократно обращается к слушателям с призывом «избрать благой помысл», что означает не пассивное повиновение, а активное отторжение внутренних дэв через осознание их природы [11].

Историческое развитие зороастрийской демонологии показывает, как мифологические образы постепенно эволюционировали в инструменты нравственного самовоспитания. В сасанидский период, когда зороастризм стал государственной религией, перечисление демонов и соответствующих им пороков стало частью юридической и педагогической практики. Тексты вроде

«Мадиган-и Хазар Датистан» и комментариев к «Вендидаду» прямо связывают конкретные проступки с влиянием конкретных дэвов, предлагая не только наказание, но и покаяние как метод духовной очистки[12]. Даже в исламский период, когда внешние ритуалы трансформировались, этическая схема персонифицированных пороков сохранилась в парсийской литературе, адаптируясь к новым культурным контекстам без утраты исходного дуалистического пафоса.

Таким образом, демонология зороастризма представляет собой не просто собрание мифологических существ, а стройную систему моральной психологии, где каждый демон служит предупреждением, зеркалом и вызовом. Перечисляя Ака Манаха, Аэшму, Друдж, Таромайти, Саурву, Наонхайтью, Индру, Бушиясту, Яхи и Парику, традиция не столько описывает враждебный космос, сколько картографирует внутренний ландшафт человеческой души. Зло в этой системе не приходит извне; оно рождается в момент, когда человек соглашается с искажением истины, с гневом, с ленью, с жадностью. И именно поэтому победа над дэвами в зороастризме никогда не бывает раз и навсегда данной: она требует ежедневного выбора, бдительности и готовности увидеть в каждом пороке не судьбу, а приглашение к свободе.

ЛИТЕРАТУРА:

- [1]: Boyce, M. A History of Zoroastrianism. Vol. I: The Early Period. Leiden: Brill, 1975. P. 198-203.
- [2]: Humbach, H. The Gathas of Zarathustra. Heidelberg: Winter, 1991. Bd. 2. S. 45-48. (Yasna 32.36)
- [3]: Bundahišn. Transl. by A. Tafazzoli. Costa Mesa: Mazda Publishers, 2000. P. 31-33.
- [4]: The Avesta. Vendidad. Transl. by J. Darmesteter. Delhi: Motilal Banarsidass, 2003. P. 72-75. (Fargard 10, 19)
- [5]: Kellens, J. Zoroastrianism: The Religion of the Ancient Iranians. Transl. by J. M. Silver. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 58-61.
- [6]: Shaked, S. Dualism in Transformation: Varieties of Religion in Sasanian Iran. London: SOAS, 1994. P. 112-118.
- [7]: Denkart. Book III. Transl. by D. M. Menasce. Paris: Klincksieck, 1973. P. 89-91.
- [8]: Kuiper, F. B. J. Ancient Indian Cosmogony. Bombay: Taraporevala, 1983. P. 64-67.
- [9]: Skjærvø, P. O. The Spirit of Zoroastrianism: Persian and Arabic Texts. New York: I. B. Tauris, 2011. P. 144-147.
- [10]: de Jong, A. Traditions of the Magi: Zoroastrianism in Greek and Latin Literature. Leiden: Brill, 1997. P. 211-215.

[11]: Yasna 30.2, 31.11. Cf. Hintze, A. A Zoroastrian Liturgy: The Worship in Seven Chapters. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. P. 22-25.

[12]: Williams, A. V. The Pahlavi Rivāyat Accompanying the Dādestān ī Dēnīg. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 1990. Vol. 1. P. 45-52.